

логоты: Олеховый, Барезовый, Горький. Въ настоящее время дѣловъ поблизости оныхъ мало. Нѣтъ ихъ даже по многихъ мѣстахъ, гдѣ они значатся на трехверстной картѣ Генералштаба.

Открытъ сѣянскъ-крестьяниномъ д. Паховки Андреемъ Марепчемъ Ыдиловымъ съ семейю. Самъ Ыдиловъ рассказываетъ объ этомъ сѣдующимъ образомъ. «Что было дѣтъ нѣтъ тому навадь, точно не упомиаю, можетъ годомъ раньше. Пахали мы съ братомъ по песчѣ поле подъ яровое; мой папонтъ потъ оны: какъ разъ напротивъ, тутъ надъ оврагомъ. Кончили пахати, обѣхали кругомъ, спустились внизъ, и ѣдемъ оврагомъ домой. Проѣзжаемъ въ этомъ самомъ мѣстѣ. Глянь-ка, говорю, камень выросъ, ровно бѣ его раньше не было. И самъ помню сколько разъ въ томъ-то мѣстѣ проѣзжалъ, не примѣчалъ. Камень этого. А тутъ его, видно, водою обмыло; лежить въ песчѣ—весь бокъ поднимъ. Стой, давай возьмемъ; камень выдать ядреный, сгодится къ амбару подъ уголъ положить. Подошли, видимъ камень, ядреный и есть, не подыметь. Обегнулись, запрягли кобылу въ телѣгу, прихватили изъ дома кой-кого; спасибо народу-то у насъ много, а то гдѣ-жъ его подвять. Раскопали лопатами. Что копнешъ, то камень все болѣе, да болѣе. Подымали тогда вятаромъ, не то вѣстеромъ, да и то не подвляя; пришлося сбоку подъ телѣгу подкопать; осадили, значить, ее, телѣгу-то, да такъ его полокомъ и втащили. Оны, дакъ и тутъ-то чудной показался, камень-то: совсѣмъ въ родѣ, какъ бы, коня и голова и шея; только задъ отбитъ; ногъ то-же не было, лежалъ пластомъ, голова на всходѣ, тѣло чуть поднявши, голова запала. Оба пола его еще лежалъ кругляшъ; ребятишки смѣются: сѣдокъ къ тому коню. А обокъ былъ другой камень, тотъ еще поярнее, тоже чудной, на манеръ свиной головы; большой-то камень широкій и потемнѣе этого будетъ. После-то мы и его откопали. Свели мы коня домой. Хотѣли разбить, чтобы подъ два угла, такъ и не разбили, крѣпкій. Поставили покуда около хаты, какъ слѣдъ, голодой кверху; ребятишки все на емъ бывало катаются. И того, боровато, свалили тутъ же у двора, податѣе. Ну, того у насъ скоро ночью свезъ кто-то. Потомъ ребята дознались: Аникалонъ Степанъ свезъ съ Закивскихъ дворовъ; подъ пувьку хотѣлъ положить. Оно все одно камень-то Божій, въ землѣ выросъ, пущай. Жаль у меня черезъ эти камни кобыла пропала, надсидялась видно: легко ли дѣло по песку тащить».

Такъ оны у насъ и простоятъ не то годъ, не то два. Тутъ на метынцу баринъ изъ города ѣдиль; разъ лимой много насъ ѣдетъ, посмотрѣлъ коня: «сведите», говорить, «въ городъ, въ земство», деньги дасть; отчего же не свезти; намъ